

“ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА” (МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИРЛИ РАН 17–18 СЕНТЯБРЯ 2012 г.)

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная конференция “Перевод и подражание в русской литературе XVIII века”¹. В собрании приняли участие 26 исследователей из разных городов России и разных стран. Была представлена академическая наука, участвовали также сотрудники высших образовательных учреждений.

Перевод является одним из важнейших факторов развития русской литературы XVIII в., определяет возникновение, формирование и преобразование целого ряда сфер художественной выразительности, во многом определяет ее лицо. Изучение принципов и приемов художественного перевода, организации переводческого дела в контексте исторического развития языка и различных сфер общественного сознания XVIII в. является важной областью знания о русской литературе и ее международном значении. На конференции были рассмотрены перевод, подражание и соревнование как факторы развития русской литературы в XVIII в. Докладчики представили сообщения с разбором конкретных текстов и обобщающие результаты в разных областях исследований.

Утреннее заседание 17 сентября было посвящено вопросам истории русской литературы первой половины XVIII в., связям с немецкой и ново-латинской традицией. Все сообщения давали понять, что перевод является не только перенесением текста из одной языковой среды в другую, но и преобразованием с учетом культурных различий. Проф. *М.К. Брагоне* (Италия) показала, как русский перевод “*Colloquia familiaria*” Эразма Роттердамского, выполненный и изданный в 1716 г. Гавриилом Бужинским, превратился при непосредственном участии Петра I из учебника латыни в учебник голландского. Проф. *М.К. Пезенти* (Италия) привела красочные примеры использования материалов западноевропейских народных гравюр в русской лубочной литературе. В частности, изобразительный сюжет из народной книги о Тиле Уленшпигеле (шутник покупает телегу земли у крестьянина и является на этой

телеге как собственник этой земли, к князю, прогнавшему его со своей земли) перешел в лубочное жизнеописание И.А. Балакирева, придворного шута Петра I. Чл.-корр. РАН *С.И. Николаев* познакомил присутствующих с обнаруженным им в фондах Российской национальной библиотеки рукописным сборником русских идиллий (предположительная датировка: начало 1750-х гг.). Содержание его по своему объему и разнообразию существенно меняет сложившиеся представления об истории бытования этого жанра на русской почве, изложенные в работе Й. Клейна “Пасторальная поэзия русского классицизма” (1988, русский перевод: 2005). Интерес вызывает также своеобразная весьма вольная орфография списка. Следующие два доклада были посвящены исследованию русских риторик XVIII в. К.Н. Лемешев проследил заимствования и переводы из “Обстоятельного красноречия” (“*Ausführliche Redekunst*”) И.К. Готшеда в риторике М.В. Ломоносова – в разделе о возбуждении страстей, свидетельствующие о независимости мировоззренческого и терминологического мышления русского ученого в этом вопросе. Тему русских риторик, на этот раз духовных, продолжила д.ф.н. *Е.В. Маркасова*. Она представила неизвестную ранее рукописную “Священную риторику” из фондов Российской национальной библиотеки, датированную 1798 г. Было установлено, что эта риторика является сокращенным и комментированным переводом “Священной риторики” немецкого лютеранского богослова Соломона Гласия (1593–1656). Автором русского переложения предположительно назван ректор, профессор теологии в Александро-Невской семинарии, учитель риторики в училище Св. Петра, духовник некоторых членов императорской фамилии Иннокентий Дубравинский (1760–1799). К.ф.н. *Н.Ю. Алексеева* обратилась к терминологии, которой пользовались В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков при описании собственных стихотворных переложений псалмов. Она выяснила, что за терминами *парафразис*, *метафразис* и *подражание* стояли различные принципы и приемы преобразования исходного библейского текста, имевшие каждый свою отечественную и западноевропейскую предшествующую традицию и дальнейшее развитие в русской литературе.

¹ Программа: <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=X-gJN30xcto%3D&tabid=36>

Утреннее заседание завершил доклад д.ф.н. *О.Р. Демидовой*, поделившейся результатами обширного гендерно-социологического исследования о роли русских переводчиц XVIII в. в истории русской женской литературы. Она показала, что русские писательницы с помощью переводов постепенно осваивали литературу как род общественно значимой деятельности. Этим они упрочивали свои позиции в социальных структурах, ориентированных на сословную иерархию, способствовавшую самореализации главным образом мужчин.

Дневное заседание 17 сентября было отведено докладам на темы обращения русских писателей XVIII в. к художественному опыту французской литературы. Д.ф.н. *П.Е. Бухаркин* охарактеризовал творчество Д.И. Фонвизина 1760–1770-х гг. в связи с французской афористической словесностью и его переводом “Похвального слова Марку Аврелию” А.Л. Тома. Более подробно на восприятии творчества А.Л. Тома в России второй половины XVIII в. остановился д.ф.н. *П.Р. Заборов*. Он показал, что весьма заметная популярность этого автора, многочисленные переводы и подражания его сочинениям сменились к 1830-м гг. почти полным забвением. К.ф.н. *А.О. Дёмин* изложил свои наблюдения над не замеченными ранее фактами подражания в трагедии “Дидона” Я.Б. Княжнина “Беренике” Ж. Расина. Заимствования прослеживаются на разных уровнях, в разных частях текста. Также был приведен ряд стихов, являющихся вольным, однако близким к оригинальному тексту переводом строк Расина. К.ф.н. *Е.Д. Кукушкина* продолжила тему перевода и подражания в драматургии, познакомив присутствующих с двумя разными русскими переработками комедии Ж. де Лафона “Три брата соперники”. Это был оставшийся в рукописи, однако имевший заметный успех на театре перевод П.С. Свистунова – с легкой русификацией; и вольное переложение А.П. Сумарокова, известное под названием “Три брата совместники”. Д.М. Климова рассказала о своих разысканиях в области ранних русских переводов сказок Ш. Перро. Особенно примечательны были примеры далеко не всегда удачного поиска точного по смыслу и вместе с тем изящного эквивалента прозвища “Золушка” и выражения “хрустальные туфельки”, найденного лишь в 1825 г. актером Императорского московского театра К.Н. Барановым (1797–1836). Д.ф.н. *Н.Д. Кочеткова* исследовала обращение П.Ю. Львова как переводчика и Н.М. Карамзина как подражателя к одному и тому же отрывку о меланхолии из поэмы Ж. Делю “Воображение”. Удалось отыскать источ-

ник обоих переложений: публикацию отрывка о меланхолии в журнале “Северный наблюдатель” (*Spectateur du Nord*), вышедшую за шесть лет до полного издания поэмы в 1806 г. Сравнение точного, однако лишенного выразительности и стиля прозаического перевода Львова с поэтическим подражанием Карамзина наглядно демонстрирует историко-литературную значимость второго, не утраченную и поныне. Заседание завершилось выступлением к. филос. н. *А.А. Златопольской*, рассмотревшей вопрос о цензуре русских переводов произведений Ж.Ж. Руссо от XVIII до начала XXI в. Как выяснилось, эти пропуски в русских переводах произведений женевого гражданина (“Общественный договор”, “Вероисповедание савойского викария”, “Исповедь”) были изначально обусловлены цензурными искажениями оригиналов. Однако и после появления полных текстов некоторые лакуны, содержащие откровенные сексуальные пассажи, не были заполнены (вплоть до последнего русского издания “Исповеди” 2004 г.). При этом были отмечены случаи обхода цензурного надзора путем изменения заглавия текстов и названо наименее пострадавшее от цензурных изъятий русское издание “Исповеди” 1935 г. Первый день конференции закончился оживленной дискуссией и выступлением С.И. Николаева, отметившего самые интересные черты каждого из прозвучавших в этот день докладов.

Утреннее заседание 18 сентября было посвящено вопросам о русских переводах и подражаниях античным и итальянским писателям. Проф. *М. Вендитти* (Италия) сравнила три русских перевода XVIII в. второй героиды Овидия “Филлида к Демофону” и обнаружила, что филологически дотошный прозаический перевод Г.В. Козицкого был дословно повторен в публикации В.Г. Рубана, которая появилась еще при жизни Козицкого и была усеяна поправками, более походившими на плоды ошибок при чтении исходного текста. Последние строки перевода, однако, были переложены в стихи, и следующий по времени, стихотворный перевод А.А. Ржевского уже представлял собой значительно расширенный, обогащенный сентиментальными и театрализованными украшениями самостоятельный и полностью стихотворный вариант, проложивший дорогу сентиментальной и ранней романтической русской поэзии, живописующей множество оттенков женского любовного чувства. Д.ф.н. *К.Ю. Лаппо-Данилевский* проанализировал предисловие Н.А. Львова к “Стихотворению Анакреона Тийского” и сделал вывод, что большинство упоминаний многочисленных источников перевода и комментария в

нем было заимствовано автором из предуведомления к пармскому изданию од Анакреона 1785 г. Дж. Бодони. Проф. *М.Г. Альтишуллер* (США) высказал предположение об историко-литературных ассоциациях, которые могли обусловить работу Пушкина над черновыми вариантами и окончательной версией строк из восьмой главы “Евгения Онегина”: “Читал охотно Апулея, // А Цицерона не читал”. За именами римских классиков стоят имена русских переводчиков их сочинений: симпатичный Пушкину Е.И. Костров, выпустивший в 1780–1781 гг. перевод “Золотого осла”, и антипатичный – в силу своего сервилизма – В.П. Петров, опубликовавший в 1781–1786 гг. перевод “Энеиды” (в черновом варианте вместо Цицерона упоминается Вергилий). В круг возможных ассоциаций докладчиком была включена также ирои-комическая поэма В.И. Майкова “Елисей, или Раздраженный Вакх” (1771), в некоторых эпизодах пародирующая “Энеиду”. Проф. *Л. Росси* (Италия) рассмотрела историю текста басни Н.М. Муравьева “Изгнание Аполлона” и выявила ее прозаический источник – один из эпизодов “Похождения Телемака” Ф. Фенелона. В ходе создания и последующей переработки текст постепенно отдалялся от первоначального дидактического субстрата и контекста, становился самостоятельным художественным произведением. Доклад к.ф.н. *Л.А. Курышевой* (Новосибирск) был посвящен тому, как М.М. Херасков в своей поэме “Пилигримы, или Искатели счастья” раскрывает нравоучительно-символический потенциал любовной истории Ринальда и Армиды, заимствованной им из поэмы Торквато Тассо “Освобожденный Иерусалим”. Завершил утреннее заседание д.ф.н. А.В. Петров (Магнитогорск) обзор произведений русской поэзии XVIII в., посвященным теме бракосочетания (количество, тематика, адресация) и рассмотрением западноевропейских источников ее топики, среди которых был указан знаменитый эпиграммой позднелатинского поэта Клавдия Клавдиана (ок. 370–ок. 404) на бракосочетание императора Гонория и немецкая академическая поэзия. Примечательно редкое использование в русской эпиграммической поэзии библейских мотивов, наблюдающееся, кажется, только у Г.Р. Державина. Утреннее заседание завершилось дискуссией.

На дневном заседании 18 сентября были прочитаны сообщения на темы, смежные с историей литературы (наука, театр, садовое искусство) и относящиеся к переводам русских сочинений XVIII в. на иностранные языки. К.ф.н. *А.А. Костин* представил обнаруженное им в фондах Российской государственной библиотеки (Москва)

неизданное и неисследованное подробное описание маскарада “Торжествующая Минерва” (1763) на русском языке, ставшее основой европейских газетных публикаций первой половины 1760-х гг. и, вероятно, дипломатических донесений. Найденный текст во многих отношениях поясняет брошюру Ф.Г. Волкова с описанием маскарада, подробно излагая некоторые эпизоды и картины, запомнившиеся русским писателям – очевидцам события. Проф. *А.А. Левицкий* (США) поделился своим опытом перевода стихотворений Г.Р. Державина и А.С. Пушкина на английский язык, обосновав переводческие решения кривой стилистических соответствий, предложенной Д.И. Чижевским, и рассмотрев их на фоне первых английских переводов Державина и Пушкина 1820–1830-х гг. Тему переводов русских авторов XVIII в. на иностранные языки продолжила *Дж. Ларокка* (Италия). Она предложила биографическую справку о малоизвестном генуэзском литераторе и журналисте Освальдо Перини (1826–1890). В 1872 и 1882 гг. он опубликовал переведенные на итальянский язык отрывки из трагедий А.П. Сумарокова “Синав и Трувор” и “Семира”, а в 1885 г. издал полный перевод обеих трагедий с предуведомлением, в котором уверял, что во время путешествия в Россию изучил русский язык. В докладе были рассмотрены некоторые особенности его перевода. *Р.Б. Казаков* (Москва) поставил перед собой задачу обнаружить первые свидетельства интереса Н.М. Карамзина к историческому знанию, приведшие его к труду историкографа. Пристальное внимание к вопросам истории обнаружилось уже в первых опубликованных писателем переводах и примечаниях к ним, его можно гипотетически экстраполировать также на не обнаруженные, но упоминаемые его переводы, в частности “Разговор в царстве мертвых Марии Терезии с императрицей Елизаветой Петровной”. К.ф.н. *А.Ю. Веселова* проследила, как в течение XVIII в. в русских переводах садовых западноевропейских трактатов формировались способы и приемы профессионального описания на русском языке садово-парковых комплексов, ставшие одним из источников художественного описания украшенной человеком природы. Было отмечено, что долгое время к переводу иноязычных сочинений обращались люди либо недостаточно владевшие русским литературным языком, либо недостаточно компетентные в обсуждаемых вопросах. На примерах специальной терминологии были продемонстрированы основные стратегии переводчиков: транслитерация, калькирование, подбор эквивалентов с образованием новых значений и т.п. Близкую тему осветил д. биол. н.

А.К. Ситин. Он познакомил присутствующих с работой В.Ф. Зуева (1752–1794) и Н.П. Соколова (1748–1795), которые в сотрудничестве с выдающимся естествоиспытателем П.С. Палласом (1741–1811), занимаясь переводами его трудов и самостоятельными изысканиями, внесли существенный вклад в формирование русской ботанической терминологии и создали выдающиеся образцы научной описательной прозы, обладающие значительным художественным потенциалом.

В заключительном обсуждении было отмечено, что при различных подходах и школах, при всем разнообразии привлекаемого материала, все выступления отличались опорой на доку-

ментальные свидетельства, привлечением новых сведений, неопубликованных источников, убедительными неординарными и научно-ценными выводами, даже если они становились или могут стать поводом для полемики. Конференция показала, что перевод и подражание были немаловажными факторами поступательного развития русской литературы XVIII в., творчески и самостоятельно обращавшейся к западному опыту в ходе выработки, преобразования и развития собственной художественной системы. Было принято решение издать по материалам конференции сборник статей и сообщений.

А.О. Дёмин